

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барова В. Р. Розена.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.
1902—1903.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДЕСЯТИ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1904.

ціяся четыре согласныя буквы этой надписи могутъ быть вокализованы и иначе. Такъ напр. вокализація «älig čäc» съ точки зрѣнія орхонской орфографіи даже лучше, предложенной мною выше, а перевести полученныя такимъ образомъ два слова слѣдовало-бы «пятьдесятъ ченговъ»; «чєнгъ» есть китайская мѣра для чая (около полоторыхъ фунтовъ). Не обозначаетъ-ли здѣсь «пятьдесятъ ченговъ», т. е. семьдесятъ три съ половиною фунта чаю¹⁾ цѣны нашей серебряной кринки? Быть можетъ такое толкованіе надписи будетъ сочтено болѣе пріемлемымъ въ ученomъ мірѣ, я-же лично затрудняюсь отдать которому нибудь изъ нихъ рѣшительное предпочтеніе.

Платонъ Меліоранскій.

Къ вопросу о значеніи и происхожденіи словъ «čälāb» (чалап) и «čälābī» въ турецкомъ языкѣ.

Въ предлагаемой замѣткѣ мы не беремся окончательно рѣшить трудный вопросъ, обозначенный въ заглавіи, а ограничимся только указаніемъ на нѣсколько новыхъ относящихся къ нему данныхъ и выскажемъ свои соображенія, которыя быть можетъ будутъ небезполезны наряду со статьями объ этихъ словахъ, бар. В. Р. Розена и В. Тизенгаузена, помѣщенными въ V томѣ «Записокъ Восточн. Отд.», стр. 304—307 и въ XI томѣ, стр. 307—312.

Профессоръ неаполитанскаго Восточнаго Института L. Bonelli сообщаетъ въ своей послѣдней статьѣ «Appunti grammaticali e lessicali di Turco volgare» въ «Actes du XII Congrès des Orientalistes, tome II, Section Asie Centrale», стр. 393 (или 109 отдѣльнаго оттиска) слѣдующее наблюденіе надъ современнымъ османскимъ языкомъ. «Замѣчательно еще, что замужняя *турчанка*, говоря о своемъ мужѣ вмѣсто «qoğam» имѣетъ обыкновеніе говорить, когда говорятъ съ большимъ почтеніемъ (per maggior riguardo), «ağam», между тѣмъ какъ наоборотъ *христіанка*, *еврейка* и т. д. говорятъ «celebim», напр. benim ağam (противоположность: celebim) evde deil»²⁾.

1) Столько вѣсятъ пятьдесятъ ченговъ по точному вычисленію, сдѣланному мною при помощи А. И. Иванова, которому я и выражаю благодарность за его содѣйствіе.

2) «Efendi» по L. Bonelli говорится и о мусульманахъ, и о нѣ-мусульманахъ. Интересно, что Сами-бей въ своемъ словарѣ пишетъ подъ چلبی — titre, qu'on donne aujourd'hui aux Européens.

Такимъ образомъ иностранное происхожденіе этого слова чувствуется въ языкѣ женщинъ, говорящихъ по-османски, а извѣстно, что въ языкѣ женщинъ, особенно на Востокѣ, долше и прочнѣе удерживаются различныя архаическія черты. Далѣе по словамъ моего университетскаго слушателя г. Барбаръ-Сафарьянца, знакомаго съ азербейджанскимъ діалектомъ, слово چلبی چالابی означаетъ по-азербейджански особаго рода хорошія, нѣжныя груши (дюшессы). Замѣтимъ по этому поводу, что вообще значеніе «нѣжный, нѣженка», стоящее конечно въ связи съ этимъ названіемъ груши, является производнымъ отъ значенія «ученый, образованный, утонченный человѣкъ», а не наоборотъ, какъ полагали Флейшеръ, Ценкеръ и Будаговъ (ср. словарь шейха Сулеймана Бухарскаго).

Относительно слова «чалаб (чалап)» бар. В. Р. Розенъ обратилъ мое вниманіе на слова К. Фоу'я въ статьѣ «Studien zur osmanischen Syntax» (Mittheil. des Seminars für Oriental Sprachen, II Jahrgang, West-Asien, p. 124 Anm. 1), что چلب (произносится čalap) служитъ исключительнымъ наименованіемъ «Бога» у малоазійскихъ юрюковъ¹⁾. چلاب و چلب especially въ сочетаніи حق چلاب встрѣчается также passim²⁾ въ анонимной سير النبي, изданной литографически въ Константинополѣ въ 1308 году Г. при нынѣшнемъ султанѣ Абду-ль-Хамидѣ. Къ сожалѣнію имени автора не указано ни въ заглавіи, ни въ заключительныхъ словахъ этой книги, изъ которыхъ однако мы узнаемъ имя переписчика, это — القمير السید مصطفی نظيف الشهير بقدرغوى — من تلاميز حسين افندی العريف بیاطهجي زاده; поэма написана довольно старымъ османскимъ языкомъ³⁾. Наконецъ слово چلب и حق چلب въ значеніи «Богъ» встрѣчается весьма часто у стараго османскаго (или точнѣе: южно-турецкаго, малоазійскаго) поэта-суфія Юнуса Эмре (يونس امره) Junus Ämrä). Диванъ этого поэта, литографически изданный въ 1302 г. Гяджры (т. е. 1884—85 г. по Р. X.), поступилъ въ мое распоряженіе только нынѣшнюю осень, благодаря любезности моего университетскаго слушателя г. Григорьева, приобрѣтшаго его для меня въ Константинополѣ. Судя по тому, что на стр. 111, 4 слово چلب принимаетъ у Юнуса Эмре съ طولاب و يالاب, можно думать, что произносилъ онъ его «чалап» или «čalap», т. е. такъ-же, какъ современные намъ малоазійскіе юрюки по словамъ К. Фоу'я⁴⁾.

1) Замѣчаніе К. Фоу'я, что это слово нечуждо и джагатайскому языку, къ сожалѣнію голословно, о чемъ ниже.

2) См. напр. стр. 143, 161, 160 и др.

3) Это литографическое изданіе было передано мнѣ на разсмотрѣніе бывшимъ моимъ ученикомъ В. М. Писаревымъ, которому я и выражаю здѣсь благодарность.

4) Сами-бей въ своемъ словарѣ транскрибируетъ «tscheler».

Юнусу Эмре и его сочиненіямъ посвященъ этуль недавно умершимъ англійскимъ туркологомъ E. J. W. Gibb'омъ въ его трудѣ «A history of Ottoman Poetry, vol. I 1900, p. 164 — 175, этуль, который повидимому остался неизвѣстнымъ гг. Fou'ю и Mordtmann'у, для которыхъ Юнусъ Эмре интересенъ, какъ возможный источникъ стихотвореній такъ называемаго «Mühlbacher'a», см. Mittheilungen des Seminars für Oriental. Sprach. 1902, Jahrgang V, Abth. II, S. 236 ff. и тамъ-же S. 162—169¹⁾. Въ виду выдающагося интереса, по языку и содержанию, стиховъ Юнуса Эмре²⁾ конечно важно точно установить время его жизни. Намъ кажется нѣсколько страннымъ, что и E. J. W. Gibb, и K. Fou и J. Mordtmann не столько опираются въ своихъ разысканіяхъ на древнѣйшій и лучшій источникъ — мы разумѣемъ *арабскаго* Ташкөпрү-задэ—и на диванъ самого Юнуса Эмре, сколько на позднѣйшую турецкую обработку Ташкөпрү-задэ и на еще болѣе поздніе источники, въ которыхъ повидимому свѣдѣнія объ Юнусѣ Эмре нѣсколько перепутываются съ данными относительно его учителя Таптыка Эмре и его ученика Ашикъ-Юнуса. Юнусъ Эмре и его диванъ заслуживаютъ вполне самостоятельной монографіи, для которой конечно необходимо привлечь и рукописи его *الهی*, имѣющіяся въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Готѣ³⁾. Я не берусь пока разобрать всѣ спорные пункты біографіи Юнуса Эмре, но считаю необходимымъ привести слова о немъ *арабскаго* Ташкөпрү-задэ, который помѣщаетъ его въ число шейховъ султана Баязида, что значитъ, судя вообще по манерѣ турецкихъ писателей-историковъ, что онъ умеръ между 1389 и 1402 годами нашей эры⁴⁾. Итакъ, вотъ что мы читаемъ на fol. 26a рукописи Азіатскаго Музея въ С.-Петербургѣ № 554a:

ومنهم الشيخ العارف بالله بونس امره [كان] رجلا من اصحاب شيخ طابنق امره وقد نفل الحطب الى زاوية شيخه مدة كثيرة ولم يوجد فيها حطب معوج اصلا فسأل الشيخ عن ذلك فقال لا يلبق بهذا الباب شيء معوج وله كرامات ظاهرة وكان صاحب وجد وحال وله نظم كثير بالتركیة يفهم منه ان له مقاما عاليا في التوحيد ومعرفة عظيمة بالاسرار الالهية قدس سره

1) Ни тотъ, ни другой не цитируютъ E. J. W. Gibb'a.

2) Языкъ его изобилуетъ древними, рѣдкими словами и формами, стихи у него силлабическіе, а по содержанию это первостепенный источникъ для исторіи турецкаго малоазійскаго суфизма.

3) E. J. W. Gibb этихъ рукописей не изслѣдовалъ.

4) Какъ извѣстно, Баязидъ умеръ въ самомъ началѣ 1403 года въ плѣну, а султаномъ онъ пересталъ считаться уже со второй половины 1402 года.

Т. е. «И изъ нихъ (т. е. шейховъ, умершихъ при Баязидѣ) (былъ) шейхъ, знавшій Бога, Юнусъ Эмре. Былъ онъ мужъ изъ послѣдователей шейха Таптыкъ Эмре. Онъ носилъ долгое время дрова въ келью своего шейха и никогда не находилось въ нихъ кривого полѣна, и спросилъ его шейхъ насчетъ этого, и онъ сказалъ: «Не приличствуетъ этой двери (т. е. вашему жилищу) что-либо кривое». И творилъ онъ чудеса видимыя (т. е. такія, которыя всѣ видѣли), и былъ онъ человѣкомъ способнымъ къ (мистическому) экстазу и (оставилъ) много стиховъ на турецкомъ языкѣ, изъ которыхъ ясно, что ему принадлежитъ высокое мѣсто въ единеніи (съ Богомъ) и великое знаніе тайнъ Божіихъ. Да будетъ священна его могила!» Поэтому я весьма склоненъ думать, что дата смерти Юнуса Эмре, приводимая Самибеемъ (К. Фоу, I. с. S. 236) невѣрна; не относится-ли она къ ученику Юнуса Эмре вышеупомянутому Ашикъ-Юнусу? Съ другой стороны свѣдѣніе Самы, что Юнусъ Эмре жилъ при слияніи рѣкъ *بورسق* и *سقریه*, не относится-ли къ мѣстожительству его учителя Таптыка Эмре, о которомъ мы въ *арабскомъ* Ташкѣнпрѣ-задѣ читаемъ непосредственно *передъ* свѣдѣніями объ Юнусѣ Эмре слѣдующее: *ومنهم الشيخ العارف بالله طابرق امره كان رجلا متوطنا بقرية قريبة من نهر سقریه وكان صاحب عزلة وانقطاع عن الناس وكان صاحب ارشاد وكرامات عالية قدس سره*

Т. е. «И изъ нихъ шейхъ, знавшій Бога, Таптыкъ Эмре. Это былъ мужъ, поселившійся въ селеніи близъ рѣки Сакарія, и былъ онъ приверженецъ «недѣлаціи» и уединенія отъ людей и былъ человѣкомъ, наставлявшимъ на прямой путь и творившимъ высокія чудеса. Да будетъ священна его могила!»

На стр. ۳۴ литографированнаго изданія стиховъ Юнуса Эмре мы находимъ весьма цѣнное хронологическое указаніе, а именно онъ говоритъ, что вступилъ на «этотъ путь» (т. е. путь суфизма) въ семьсотъ седьмомъ году:

تساربح دخى بدیبوز بدى ابدى
یونس جانى بو بولده قودى ابدى

т. е. «И было въ годъ семьсотъ седьмой, (что) Юнусъ душу (свою) на сей путь положилъ».

E. J. W. Gibb хочетъ заключить изъ этихъ стиховъ, что дата Ташкѣнпрѣ-задѣ невѣрна, и что Юнусъ Эмре жилъ почти на цѣлое столѣтіе ранѣе¹⁾. Намъ кажется однако такое заключеніе неосновательнымъ. Дѣло

1) L. с. p. 165.

въ томъ, что непосредственно передъ этими стихами идетъ восхваленіе «прямоты» *طوغرىلىق*, говорится, что «вашелся прямой руководитель» *دليل* *طوغرى بولندى*, такъ что мы вправѣ заключить, что дѣло идетъ о вступленіи Юнуса въ число послѣдователей Таптыка Эмре, названнаго у Ташкѣпрү-зада *صاحب ارشاد*. Самъ Юнусъ также былъ большимъ поклонникомъ прямоты, какъ видно изъ анекдота о дровахъ. Сколько же лѣтъ могло быть Юнусу Эмре, когда онъ вступалъ «на сей путь»? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ я не могу дать, но интересно, что напр. среднеазиатскіе турки-суфій въ очень раннемъ возрастѣ начинали свое подвизаніе на пути суфизма, такъ напр. извѣстный Ходжа Ахмедъ Ясави, съ которымъ, какъ замѣтилъ и E. J. W. Gibb (I. с. 169), у Юнуса вообще есть кое-что общее, нѣсколько разъ говорить, что поступилъ на службу къ своему «старцу» Арсланъ Бабу уже семи лѣтъ отъ роду¹⁾. Если же судить по интересной погодной биографіи этого шейха, которую мы находимъ на стр. ۲۲—۳۲ и ۲۲۰—۲۲۲, то выйдетъ, что среднеазиатскій суфій начинаеть свое подвизаніе чуть ли не съ утробной жизни, а первый свой полетъ на небо Ахмедъ Ясави совершаеть менѣе чѣмъ черезъ девять часовъ послѣ своего рожденія (I. с. стр. ۲۳)²⁾. Такимъ образомъ у насъ есть нѣкоторыя основанія думать, что и Юнусъ Эмре былъ мальчикомъ, когда поступалъ въ 707 г. (= 1308 г.) къ своему «старцу»³⁾, а въ такомъ случаѣ онъ конечно могъ дожить до начала царствованія Балзида. Мы бы лично не удивились даже, если бы впоследствии выяснилось, что 707-й годъ есть просто дата *рожденія* Юнуса⁴⁾. Чтобы покончить съ замѣчаніями относительно Юнуса Эмре упомяну еще, что слова Ашика Челеби, писавшаго о немъ въ 1568—1569 г. по Р. Х., насчетъ его крайней необразованности и даже безграмотности несомнѣнно преувеличены (см. E. J.

1) *دیوان حکمت حضرت سلطان العارفين خواجه احمد بن ابراهيم بن محمود* دیوان حکمت حضرت سلطان العارفين خواجه احمد بن ابراهيم بن محمود مرتبه

2) Само собою разумѣется, что достовѣрность всѣхъ фактовъ этой биографіи для насъ не важна, равно какъ не важно и то, что эта биографія Ходжи Ахмеда Ясави написана очевидно не имъ самимъ, а вѣроятно однимъ изъ его учениковъ отъ его лица.

3) Кстати: имя этого старца довольно часто встрѣчается въ диванѣ Юнуса Эмре и пишется то *طَبِطِقْ*, то *طَبْدِقْ*, почему я и транскрибирую «таптыка». Прозвище его и его послѣдователя — *امرہ* — для меня неясно, но несомнѣнно, что объясненіе Али Эенди, приведенное J. Morgdthmann'омъ (I. с., стр. 163), не что иное какъ «народная этимологія», продѣ Винценгерола = вино въ огородѣ и т. п. Гораздо интереснѣе найденное имъ въ фирманѣ Мурада I *أمره* въ смыслѣ «братъ», (S. 168). Не происходитъ ли это, мнѣ никогда не встрѣчавшееся, слово отъ *اميك*, *сосать*, и не значить-ли первоначально «молочный братъ»?

4) Ббльшую трудность представить несомнѣнно объясненіе того факта, что Таптыкъ Эмре, будучи «шейхомъ» Юнуса Эмре, тѣмъ не менѣе умеръ по Ташкѣпрү-зада тоже въ промежутокъ между 1389—1402 гг. Этотъ вопросъ для насъ пока теменъ.

W. Gibb, l. c. 166): онъ конечно былъ грамотенъ и былъ довольно хорошо знакомъ и съ исламомъ, и съ теоретической стороной суфизма, — это совершенно ясно изъ его стихотвореній, но конечно правда то, что языкъ его гораздо проще и чище, чѣмъ языкъ позднѣйшихъ османскихъ поэтовъ, а метры его силлабическіе; оба эти обстоятельства, нѣсколько унижая его въ глазахъ османскихъ историковъ литературы, дѣлаютъ для насъ его произведенія только болѣе цѣнными. Слово **جَلَب** (جَلَبٌ) встрѣчается также въ одномъ изъ старосманскихъ переводовъ **تذکرہ اولیاء** (отъ 826 г. Г. = 1422—1423 г. по Р. X.), см. издание уйгурскаго *Tezkereh-i-evliâ par A. Pavet de Courteille, Préface, p. V (Collection orientale, tome XVI, II série — tome II).*

Что касается общаго вопроса о происхожденіи словъ **جَلَاب** (جَلَبٌ) и **چلبی** въ турецкомъ языкѣ, то я считаю вѣроятнымъ (однако не болѣе!) ихъ иностранное происхожденіе, о которомъ думали Ахмедъ - Вефикъ - паша и бар. В. Р. Розенъ (Записки В. О. V, 305), но во всякомъ случаѣ нѣсколько разойдусь съ бар. В. Р. Розеномъ относительно времени и мѣста заимствованія этихъ словъ турками. Дѣло въ томъ, что, если бы эти слова вошли въ турецкій языкъ во времена Чингизъ-хана или даже еще гораздо раньше, какъ думаетъ бар. В. Р. Розенъ, то они должны были бы встрѣчаться хотя въ нѣкоторыхъ восточно-турецкихъ письменныхъ памятникахъ и тоже хотя бы въ нѣкоторыхъ современныхъ восточныхъ, западныхъ или среднеазиатскихъ діалектахъ¹⁾. Между тѣмъ этихъ словъ не знаютъ ни орхонскія надписи (VIII в.), ни Кудатку-Биликъ (XI в.), ни **قص ریغوزی** (XIV в.), ни позднѣйшіе джагатайскіе писатели, насколько простирается моя начитанность въ нихъ, ни большинство джагатайскихъ словарей европейскихъ и восточныхъ. Правда Pavet de Courteille и шейхъ Сулейманъ Бухарскій включили эти слова въ свои словари, но безъ цитатъ, что весьма подозрительно и заставляетъ думать о чисто книжномъ заимствованіи изъ какихъ нибудь южнотурецкихъ лексикографическихъ источниковъ²⁾. Я конечно не могу претендовать на знаніе всѣхъ или хотя бы даже большей части такъ называемыхъ джагатайскихъ произведеній, но все-же думаю, что, если бы даже нашлись вполнѣдствіи цитаты особенно у болѣе позднихъ «джагатайцевъ», то весьма вѣроятно это указывало бы на позднѣйшее литературное вліяніе, идущее изъ Турціи, Малой Азіи или Азербейджана. Равнымъ образомъ мы съ этими словами не встрѣчаемся ни въ одномъ изъ современныхъ діалектовъ, за исключеніемъ азербейджанскаго и

1) Мы слѣдуемъ терминологіи В. В. Радлова.

2) Характерно, что шейхъ Сулейманъ самъ, приводя подъ словомъ **تینگری** цѣлый рядъ синонимовъ, **چنّب** 'а не приводитъ!

нѣкоторыхъ малоазійскихъ. Академикъ В. В. Радловъ устно сообщалъ мнѣ, что онъ также не встрѣчалъ этихъ словъ нигдѣ, кромѣ османскаго и вообще нѣкоторыхъ южно-турецкихъ діалектовъ¹⁾. Далѣе, этихъ словъ нѣтъ ни въ Codice Sumanico, ни у египетскихъ арабовъ-фиологовъ XIII—XIV вѣковъ, писавшихъ о турецкомъ языкѣ: мы имѣемъ въ виду глоссарій, изданный М. Th. Houtsma (Ein türkisch arabisches Glossar) и كتاب الادراك للسان الانراك извѣстнаго Абу-Хайяна. За то какъ только мы попадаемъ въ Малую Азію и знакомимся съ современными діалектами, или съ древними южно-турецкими малоазійскими памятниками, или со словарями османскаго языка, какъ сейчасъ же паталкиваемся на оба эти слова или по крайней мѣрѣ на одно изъ нихъ, причемъ и теперь уже можно утверждать, что въ XIV вѣкѣ оба они были у османовъ и малоазійцевъ въ большомъ употребленіи. Это заставляетъ насъ думать, что появились они именно у малоазійскихъ сельджуковъ, которымъ пришлось столкнуться съ христіанами въ лицѣ грековъ, армянь, грузинъ и пр. На почвѣ сельджуцкихъ мусульманско-христіанскихъ отношеній и должно было произойти заимствованіе этихъ обонхъ словъ, если только они дѣйствительно имѣютъ связь съ сирійскимъ «члѣб», откуда **طلب** и т. д. Едва ли далѣе можно сомнѣваться въ томъ, что оба эти слова должны были перейти въ турецкій языкъ уже въ готовомъ видѣ²⁾, ибо на турецкой почвѣ врядъ ли возможно образованіе «члѣб» отъ «члѣб», такъ какъ суффикса «и» (ی) въ турецкомъ языкѣ нѣтъ³⁾. Уже изъ Малой Азіи эти слова распространились, какъ кажется, позднѣе въ Азербейджанъ. Любопытно, что въ имѣющей у меня рукописи خلاصة عباسی при словѣ **جلب** значится **برومی اسم جناب باری**; слово **جلبی** тамъ переводится: **نویسنده** (4) **وشاعر وخوانا و داننا و ظریف الطبع**.

1) Разумѣется опять таки нельзя принимать въ расчетъ такихъ авторовъ, какъ **الحجة ناتاری** Казань 1895, помѣщающій оба эти слова съ объясненіями, выписанными почти слово въ слово изъ **الحجة عثمانی** Ахмедъ Вефика паши.

2) Только «чалап» могло получиться изъ «члѣб» уже на турецкой почвѣ. Съ другой стороны, не разлагается-ли слово «чалап» на «чал + апа» (или «аба») т. е. «свѣдой отецъ (дядь, предокъ)? Ср. другое названіе божества «абаат» (въ Кудатку Блики) = **baï + ата, боитый отецъ**. Конечно и эти этимологіи не болѣе какъ предположенія.

3) Правда въ словарѣ Redhouse'a мы нашли арабско-турецкое образованіе отъ слова **يايلاق**, **лытовка**, **يايلاقيه**, **плата за пользованіе лѣтнимъ мнстпрѣбваніемъ или лѣтнимъ пастбищемъ**, но подобныя «монста» составляютъ рѣдчайшее исключеніе даже и въ османскомъ языкѣ. Не можемъ удержаться, чтобы не привести здѣсь другого монстра, это **نزاكت**, **деликатность въ пдстункалъ или чувстввахъ**, масдаръ (?) отъ **персидскаго** слова **نازک** (sic). Къ тому же эти и нѣгъ подобныя курьезныя образованія возникли по всей вѣроятности на **арабской** почвѣ. (См. арабскій словарь Dozy II 659).

4) У Pavet de Courteille'я: **écrivain, poëte, savant; élégant**—зависимость очевидна! Ср. Préface ого словаря, стр. IV. О **خلاصة عباسی** см. также у меня «Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ», стр. LIX.

Время заимствования разбираемых словъ малоазійскими сельджуками съ точностью не опредѣляется, оно должно лежать приблизительно между 1100—1300 годами нашей эры; равнымъ образомъ темны пока и пути, по которымъ могли проникнуть эти слова, — сыграли ли тутъ роль посредниковъ суфій, нѣкоторые толки которыхъ находились подъ сильнымъ вліяніемъ христіанства, и отличались вообще эклектизмомъ въ религія (см. напр. «крайнее» стихотвореніе хотя бы у нашего Юнуса Эмре на стр. 00 его дивана), называли ли первоначально «челебіями» ренегатовъ изъ христіанскаго духовенства, или слова эти попали къ туркамъ какимъ нибудь пока совершенно неизвѣстнымъ путемъ, — все это вопросы, еще подлежащіе изслѣдованію. Напомнимъ о греческомъ ренегатѣ Іоаннѣ, названномъ Τζελεπίς; и о прозвищѣ «чайлабі» настоятеля дервишскаго ордена Мевлеви (оба факта указаны бар. В. Р. Розеномъ въ V томѣ Записокъ на стр. 306). Было бы очень интересно найти еще новыя данныя относительно значенія и распространенности этихъ словъ; важно также было бы изслѣдовать, какія именно лица получали въ древности и въ болѣе позднія времена прозвище چلبی, — все это пролило бы новый свѣтъ на исторію этихъ интереснѣйшихъ словъ.

Платонъ Меліоранскій.